

УДК 343.132

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ
ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
КАК ПРИЗНАК ИХ СИСТЕМАТИЗАЦИИ****Людмила Анатольевна Александрова**

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, ml1970@yandex.ru

Аннотация. Предметом исследования являются нормы уголовно-процессуального законодательства, отражающие общие правила производства следственных действий, логика их изложения, позволяющая систематизировать деятельность следователя. В предмет также входят выводы Конституционного Суда Российской Федерации, Пленума Верховного Суда Российской Федерации, сделанные по итогам рассмотрения противоречивой правоприменительной практики. Объект исследования формируется возникающими при этом отношениями между участниками производства по уголовному делу, спорными вопросами обеспечения их прав, разрешение которых отражено в отдельных судебных решениях. В исследовании применялись, наряду с общенаучными, метод обработки эмпирических данных для выявления закономерности, а также методы систематизации: сравнение, анализ и синтез. В статье рассматривается проблема отсутствия единообразного подхода к производству следственных действий, что привело к регулированию спорных моментов правоприменения решениями Конституционного Суда и Верховного Суда России — функции, им не свойственной. В результате изучения практики и нормативного регулирования предлагаются общие закономерности, позволяющие систематизировать следственные действия по такому признаку их подготовительной части, как наличие юридического основания производства. На этой основе предлагается универсализация норм уголовно-процессуального закона, содержащих положения об общих правилах производства следственных действий, что обеспечит его законность и позволит упорядочить правоприменение.

Ключевые слова: уголовный процесс, следственные действия, общие правила, юридическое основание, систематизация, внутренняя структура, подготовительная часть, ограничение конституционных прав, охраняемая законом тайна

Для цитирования: Александрова Л. А. Юридическое основание производства следственных действий как признак их систематизации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 1 (76). С. 71—78.

**THE LEGAL GROUND FOR INVESTIGATIVE ACTIONS
AS A FEATURE OF THEIR SYSTEMATISATION****Lyudmila Anatolievna Aleksandrova**

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia, ml1970@yandex.ru

Abstract. The subject of research involves criminal procedure norms that contain the common rules of investigative actions, and the logic of their presentation, which allows the systematization of those investigative actions. The subject also includes the findings of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, deduced from the analysis of controversial law enforcement practice. The object of the research comprises the evolving relationship of the participants in criminal procedure and the contentious issues of ensuring their rights, the resolution of which is stated in courts' verdicts. The research applied both general and private scientific methods; the latter included the identification of empirical regularities method as well as such methods of systematization as comparison, analysis and synthesis. The article views upon the lack of a uniform approach in investigative actions as a problem leading to the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation taking over the non-core function of resolving the controversial issues of law enforcement. Practice and legal regulation analysis resulted in revealing the common patterns, which made it possible to systematize the investigative actions by means of such a preliminary stage

indicator as the existence of a legal basis for the proceeding. Therefore, it is required to universalise the criminal procedure norms containing the common rules of investigative actions, which ensures their legality and streamlines law enforcement.

Keywords: criminal procedure, investigative actions, common rules, legal ground, systematization, internal structure, preparatory stage, constitutional rights restriction, secret protected by the law

For citation: Aleksandrova L. A. The legal ground for investigative actions as a feature of their systematization. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 71—78, 2026. (In Russ.).

Любые правила предполагают систематизацию упорядоченных ими действий, обобщают их. Общим правилам производства следственных действий формально посвящена только одна статья 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ), однако таковые содержатся и в последующих — включительно по ст. 170 УПК РФ. Более того, подобные нормы, носящие общий характер, закреплены в некоторых статьях как специальные. Хаотичное их изложение свидетельствует о проблемах систематизации следственных действий, о чем неоднократно отмечалось в научных исследованиях [1, с. 172; 2, с. 49; 3, с. 17].

В качестве одного из системообразующих признаков можно выделить юридическое основание производства следственных действий. По своим характеристикам он может быть отнесен к общим правилам, однако нормы, касающиеся постановления судьи или следователя, содержатся не только в ч. 2 ст. 29, ч. 1 ст. 164 УПК РФ, но и в специальных статьях — ч. 2 ст. 179 и ч. 3 ст. 202 УПК РФ. Это ведет к путанице в регулировании: например, ч. 1 ст. 164 УПК РФ ограничивается простым закрытым перечнем следственных действий, производство которых возможно только по постановлению следователя. В то же время без этого юридического основания невозможно получение образцов для сравнительного исследования, что приведенное общее правило игнорирует. Содержание ч. 2 ст. 164 УПК РФ также нельзя назвать удачным: оно не несет никакой собственной информации, дублируя положения ст. 29 УПК РФ, ссылаясь на ее перечень, такой же закрытый, хотя в качестве основы санкционирования должен быть указан общий признак.

Описывая внутреннюю структуру следственного действия, можно выделить такие части, как подготовительная (распорядительная), производственная и итоговая (закрепительная), о чем писал С. Б. Россинский [4, с. 166]. Для обеспечения законности следственного действия предназначена в большей мере первая, носящая обеспечительный характер. Системный подход на основе признаков, объединяющих подобные структурные

элементы, позволит упорядочить изложение норм, описывающих общие правила производства следственных действий, которые должны охватывать повторяющиеся проявления структуры как закономерность, только тогда можно будет их систематизировать и упорядочить правоприменительную практику. Одним из таких признаков является деятельность следователя (дознателя) по определению и обеспечению юридического основания производства следственного действия, под которым понимается его постановление либо судебное решение (санкционирование).

Судебное решение как юридическое основание производства следственного действия

Необходимость осуществления судебного контроля обусловлена ограничением конституционных прав участников судопроизводства. Для группы следственных действий, обозначенной в ч. 2 ст. 164 УПК РФ, судебное решение — гарантия законности, позволяющая заранее не предупреждать стороны об их осуществлении и, соответственно, специально в подготовительной (распорядительной) части не обеспечивать участие защитника¹. Конституционный Суд Российской Федерации связал это с угрозой уничтожения доказательств и отграничил эту группу от действий, «связанных с дачей показаний» или вербальных². В его опре-

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Григоряна Романа Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частью одиннадцатой статьи 182, пунктами 10 и 11 части третьей, частями пятой и шестой статьи 259, частью третьей статьи 260, статьей 297 и пунктом 2 статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 сентября 2017 г. № 2240-О // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogogosuda-rf-ot-28092017-n-2240-o/> (дата обращения: 21.07.2025).

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Агаркова Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части первой статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2015 г. № 998-О //

делении фактически было предложено правило, основанное на общих признаках таких действий, на которые не распространяется требование предварительного обеспечения присутствия адвоката:

- если действие не связано с дачей лицом показаний;
- если оно носит безотлагательный характер;
- если проводится без предварительного уведомления для обеспечения доступа к доказательствам и их целостности.

При всей ясности данного подхода отсутствие его систематичности создает проблемы правоприменения. Законодатель допускает обыск, выемку в жилище, а также осмотр жилища в случае возражения проживающего в нем лица только при наличии судебного решения, однако без него там же могут производиться проверка показаний на месте, следственный эксперимент. Нельзя не согласиться с Е. К. Черкасовой, предлагавшей проводить эти следственные действия по правилам осмотра жилища [5, с. 148]. Такую же позицию занял и Конституционный Суд Российской Федерации, однако его вывод касается только производства проверки показаний на месте и содержит, соответственно, формальное толкование ст. 194 УПК РФ как статьи, не предполагающей отказа от судебного контроля¹. Думается, что ограничение конституционного права должно выступать как признак, подлежащий вынесению на общесистемный уровень, а не размещаемый отдельно в специальных статьях. Для этого определить в ч. 2 ст. 29 УПК РФ общее условие, при котором следственные действия могут производиться только по решению суда, — ограничение неприкосновенности жилища. Ее текст может выглядеть так: следственные действия, ограничивающие конституционное право неприкосновенности жилища, связанные с проникновением в его пределы, производятся по судебному решению, если иной порядок

не определен специальной нормой. Содержание п. 4 ч. 2 ст. 29 УПК РФ можно признать излишним, поскольку более подробно оно изложено в ч. 5 ст. 177 УПК РФ со ссылкой на ст. 165 УПК РФ — общие правила производства.

Трудность правоприменения в связи с этим может возникнуть при определении границ самого по себе жилища как пределов действия конституционной гарантии: уголовно-процессуальный закон дает слишком размытое его понятие. Любое строение или помещение, приспособленное для временного проживания, как часть определения (п. 10 ст. 5 УПК РФ) не только обесценивает саму дефиницию, но и может служить основой для любого злоупотребления правом. От этого может пострадать публичный интерес, в частности — безопасность общества: существуют строения, имеющие стратегическое значение. Неплохо было бы обратить внимание на определение жилища, которое используется для применения меры пресечения в виде домашнего ареста. Помимо жилого помещения, входящего в жилищный фонд и используемого по назначению, для этой цели пригодным считается не входящее в него иное помещение или строение, если оно отвечает соответствующим требованиям². Более того, ч. 1 ст. 107 УПК РФ усугубляет требования к лицу — законные основания проживания. Думается, такой подход необходимо распространить как понимание пределов производства следственных действий.

Другое общее условие, обозначенное в п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, — доступ к охраняемой законом тайне. Однако содержание нормы, носящее частный характер и касающееся только выемки, оставляет желать лучшего. Конституционный Суд в определении по жалобе ОАО «Универсальный коммерческий банк „ЭРА“» предложил неплохую формулировку этого, по сути, общего признака: «судебное решение необходимо вне зависимости от вида следственного действия, направленного на изъятие документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан»³. Ее напрасно игно-

Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-23042015-n-998-o-ob/> (дата обращения: 21.07.2025).

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Киятова Николая Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 194 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июля 2010 г. № 911-О-О // Сборник законов. Законодательство Российской Федерации. Правовой портал. URL: <https://sbornik-zakonov.ru/22171.html> (дата обращения: 23.07.2025).

² О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: <https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-19122013/> (дата обращения: 05.10.2025).

³ Определение Конституционного Суда РФ от 19 января 2005 г. № 10-О по жалобе ОАО «Универсальный

рирует законодатель, однако и здесь — не без недостатков: для общей нормы кодифицированного нормативного акта предложенное содержание представляется слишком узким, поскольку касается определенных обстоятельств. В приведенном случае рассматривается жалоба на нарушение банковской и коммерческой тайны, сохранность которой обеспечивается банком, поэтому для описания общего правила необходима систематизация следственных действий, касающихся охраняемых законом отношений. Практика знает исключительные случаи получения данных, содержащих рассматриваемый вид тайны без судебного решения. В статье 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» от 2 декабря 1990 г. № 395-1 есть ссылка на порядок предоставления сведений, содержащих банковскую тайну, предусмотренный Таможенным кодексом Евразийского экономического союза (п. 2 ст. 337; п. 8 ст. 340)¹ и Федеральным законом «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ (ч. 13 ст. 242)². Существующие исключения создают еще большую путаницу, однако порядок, предусмотренный ратифицированным международным нормативным актом, имеет преимущественное значение в соответствии с ч. 3 ст. 1 УПК РФ.

В рамках действующего национального законодательства за используемые сведения несет ответственность организация, которой они были доверены, независимо от вида охраняемой тайны, однако если они оказываются в распоряжении лица — их обладателя и источника, действует иной правовой режим изъятия. Так, например, определил его Конституционный Суд Российской Федерации, рассмотрев жалобу Попова³ и анало-

гичную жалобу Сидака⁴: электронный носитель информации может быть изъят у лица в ходе производства законного следственного действия, вынесения специального судебного решения для этого не требуется. Аналогично сложилась практика изъятия почтовых отправлений, из которой следует, что место нахождения носителя информации не влияет на порядок изъятия, если это не почтовое отделение связи. Так, в суд апелляционной инстанции была подана жалоба на незаконность произведенного следователем обыска, в которой оспаривалось не само изъятие источников информации, а наличие фактических оснований для этого, а также отмечалось нарушение пределов следственного действия, поскольку доля жилого помещения принадлежала иному собственнику — заместителю председателя органа местного самоуправления⁵. В данном случае имеет значение законность следственного действия и статус лица, у которого происходит изъятие, а не носитель информации. То же можно отнести, например, и к изъятию медицинских документов, что уточняется Пленумом Верховного Суда Российской Федерации: выемка медицинской карты должна осуществляться только по судебному решению, однако по запросу следователя может быть получена выписка из нее, справка о факте обращения за медицинской помощью или о медицинском учете⁶. Очевидно, что речь идет о пре-

процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2017 г. № 338-О // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28022017-n-338-o/> (дата обращения: 24.07.2025).

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сидака Константина Петровича на нарушение его конституционных прав частью шестой статьи 164 и статьей 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2018 г. № 1955-О // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-17072018-n-1955-o/> (дата обращения: 24.07.2025).

⁵ Апелляционное постановление № 22-720/2019 22К-720/2019 от 19 марта 2019 г. по делу № 22-720/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/pxTjFYcnqmUd/> (дата обращения: 24.07.2025).

⁶ О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): постановление Пленума Верховного Суда

коммерческий банк „ЭРА“» // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/law/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-19012005-n_6/ (дата обращения: 05.07.2025).

¹ О ратификации договора о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза: федер. закон от 14 ноября 2017 г. № 317-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 47. Ст. 6843.

² О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 32. Ст. 5082.

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Попова Анатолия Николаевича на нарушение его конституционных прав статьями 176 и 177 Уголовно-

доставлении сведений медицинскими организациями, отвечающими за сохранение этого вида тайны. Если медицинская карта находится у непосредственного владельца, изымается она в рамках производимого для этого следственного действия.

Общее правило, касающееся группы следственных действий, объединенных по признаку юридического основания, в случае получения доступа к охраняемой законом тайне можно сформулировать следующим образом: предметы и документы, содержащие охраняемую законом тайну, изымаются у организаций, ответственных за ее хранение, по судебному решению, а также в ходе производства следственного действия. Изъятие у владельцев и носителей этих сведений — частных лиц — осуществляется в рамках законного следственного действия.

Постановление следователя как юридическое основание производства следственного действия

Менее очевидна необходимость постановления следователя для производства некоторых следственных действий. Е. А. Бравилова небезосновательно говорит об утрате им своего значения наряду с обязательным судебным контролем [3, с. 21], однако отказываться от него было бы опрометчиво. Логично подходил к этому вопросу УПК РСФСР, изложивший в Главе десятой «Общие условия производства предварительного следствия» правило об обязательности исполнения вынесенного им постановления «всеми предприятиями, учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами» (ч. 5 ст. 127 УПК РСФСР)¹. Это — одно из полномочий следователя, предполагающее возможность применения принуждения для исполнения его решения. В действующем УПК РФ подобное положение изложено более размыто, как полномочие самостоятельно принимать решения о производстве процессуальных действий (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Его процессуальное значение вскользь отмечено в ч. 2 ст. 179 УПК РФ, где говорится о его обязательности для освидетельствуемого лица. Очевидно, что наличие процессуального решения — постановления следователя — обеспечивает возможность применения принуждения для достижения цели следственного

действия. О его допустимости и пределах отмечалось в определении Конституционного Суда Российской Федерации еще в 2004 г.² Эту мысль подтверждает сложившаяся практика: для производства осмотра жилища при отсутствии возражений со стороны жильцов не требуется не только судебного решения, но и специального постановления следователя, поскольку обстоятельства осуществления следственного действия исключают применение принуждения.

Несколько обособленно стоит такое следственное действие, как назначение и производство судебной экспертизы. Здесь, кроме прочего, постановление следователя определяет границы необходимого исследования, его предмет путем постановки перед экспертом вопросов. О возможности принуждения при этом свидетельствуют нормы ст. 196 УПК РФ, перечисляющие случаи обязательного назначения экспертизы, хотя по смыслу названная статья больше определяет ограничение процессуальной самостоятельности следователя. Пределы применения принуждения со ссылкой на пп. 2, 4 и 5 обозначены положением ч. 4 ст. 195 УПК РФ, согласно которой, невзирая на наличие согласия, потерпевший направляется на исследование при необходимости определить его психическое состояние, возраст, а также тяжесть вреда здоровью, причиненного преступлением. Волеизъявление свидетеля требуется во всех случаях³.

По этому же специальному признаку можно выделить и освидетельствование, отличающееся от экспертного исследования отсутствием требования к наличию специальных знаний (ч. 1 ст. 179 УПК РФ). Тем не менее принуждение в этом случае допустимо не только к потерпевшему, но и по отношению к свидетелю при необходимости оценки его показаний. Возможность принуждения предусмотрена уголовно-процессуальным законом как

² Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Черкесского гор. суда Карачаево-Черкесской Республики о проверке конституционности п. 2 ч. 4 ст. 46 и п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2004 г. № 448 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-16122004-n-448-o-ob/> (дата обращения: 04.07.2025).

³ О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 // Российская газета. 2010. 30 дек.

Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-01062017/> (дата обращения: 02.07.2025).

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Москва: Ось-89, 1999. 208 с.

последствие неподчинения требованиям следователя при производстве обыска (ч. 4 ст. 182 УПК РФ). В то же время пределы применения принуждения при производстве других следственных действий, предполагающих наличие специального юридического основания, подобным образом специальными нормами не установлены, хотя этот вопрос в теории уголовного процесса широко изучен [6, с. 71; 7, с. 146; 8], что подтверждает насущность создания общего правила с описанием порядка применения принуждения и его пределов при производстве следственных действий этой группы. Наряду с указанием обязательности процессуального решения для всех участников судопроизводства как условие принудительного воздействия должен быть назван отказ от его выполнения, а также исключительность принимаемых мер, возможных только тогда, когда иными способами цель следственного действия не может быть достигнута.

Любое принуждение, применяемое к участникам производства по уголовному делу, требует тщательного обоснования, мотивировки. У описываемой группы следственных действий (производимых по постановлению следователя) общий признак их подготовительной (распорядительной) части — обеспечение наличия специального юридического основания. Это неразрывно связано с требованиями законности, обоснованности и мотивированности, предъявляемыми к процессуальному решению (ч. 4 ст. 7 УПК РФ), что предполагает наличие в описательно-мотивировочной части документа перечня фактических оснований с их оценкой и связью с юридическими нормами. О важности оценки обстоятельств, свидетельствующих о необходимости производства следственного действия, говорится в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвященных судебному контролю, как в форме санкционирования¹, так и в форме рассмотрения жалоб на действия и решения следователя, дознавателя². И в первом, и во втором случае судья

должен установить полноту предоставленных сведений (процессуальные, правовые) и наличие фактических оснований для производства следственного действия.

Так, двойное значение имеет постановление следователя о назначении судебной экспертизы: оно важно не столько для обеспечения возможности применения принуждения, сколько для описания задания для исследования, вопросов, задаваемых эксперту, его данных и сведений об экспертной организации. Тем не менее отсутствие в описательно-мотивировочной части мотивов и оснований принятого решения может стать причиной отмены решения следователя и, соответственно, признания заключения эксперта недопустимым доказательством.

Коммерсант, передавая взятки должностным лицам Камчатского края, самостоятельно делал аудиозаписи разговоров с ними. Предоставленные следователю результаты стали единственным прямым доказательством передачи денег. Первоначальной фоноскопической экспертизой аудиозаписи не удалось определить принадлежность голоса одного из участников разговора, в связи с чем следователь назначил повторное исследование. Это решение было обжаловано защитником обвиняемого в суд, который признал его незаконным, поскольку в тексте постановления не были приведены данные о возникших сомнениях в обоснованности выводов эксперта или их противоречивости, как того требует ст. 207 УПК РФ³.

Таким образом, по подготовительной (распорядительной) части следственных действий можно их сгруппировать:

— на связанные с ограничением конституционных прав и осуществляемые по судебному решению (в том числе производящиеся в жилище при наличии возражения проживающего в нем лица);

law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-10022009/ (дата обращения: 02.07.2025).

³ Постановление судьи Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края по материалу № 3/10-615/2013 от 11 октября 2013 г. по итогам рассмотрения жалобы адвоката-защитника о признании незаконным постановления следователя о назначении повторной фоноскопической судебной экспертизы по уголовному делу № 218014 // Защита. Камчатская коллегия адвокатов. URL: <https://kollegia-kamchatka.ru/praktika/pougolovnym-delam/rasmotrenie-zhalob-v-porjadke-st-125-upk-rf/sud-priznal-nezakonym-naznachenie-pov.html> (дата обращения: 02.06.2025).

¹ О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19.

² О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/>

— осуществляемые по постановлению следователя (дознателя), обязательного для исполнения участниками производства в связи с возможностью применения принуждения для достижения цели следственного действия;

— не требующие отдельного юридического основания, осуществляемые вне жилища — осмотр, следственный эксперимент, проверка показаний на месте, а также обыск, выемка, не затрагивающие охраняемую законом тайну, допросные следственные действия, в ходе производства которых принуждение не допускается.

Для первых двух групп можно выделить общее требование — наличие специального юридического основания с мотивировкой и обоснованием необходимости производства следственного действия для обеспечения законности и судебного контроля. Такое процессуальное решение обязательно к исполнению всеми участниками. Это можно было бы отразить, соответственно, в чч. 1, 2 и 3 ст. 164 УПК РФ. Создание общего правила позволило бы дополнить УПК РФ: главу 21 «Общие условия предварительного расследования» статьей 156.1, которая бы содержала общее для стадии

предварительного расследования правило: «Постановление, вынесенное следователем по уголовному делу, находящемуся у него в производстве, как законное процессуальное решение обязательно для исполнения всеми участниками уголовного судопроизводства, органами государственной власти, органами местного самоуправления, общественными объединениями и организациями. Игнорирование законных требований следователя влечет принудительное их исполнение, кроме случаев, когда законом предусмотрен иной порядок действий. Принуждение в этом случае носит исключительный характер и применяется только тогда, когда иными способами цель следственного действия не может быть достигнута».

О необходимости подобной классификации, а также уточнения общих положений ч. 2 ст. 29 УПК РФ свидетельствуют решения Конституционного Суда Российской Федерации, выводы Пленума Верховного Суда Российской Федерации, основанные на изучении противоречивой практики. Это позволило бы обеспечить единообразие правоприменения при производстве следственных действий.

1. Давыдовская М. В. К вопросу об общих условиях и общих правилах производства следственных действий // Государственная служба и кадры. 2022. № 2. С. 172—178.

2. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. Москва: Юрлитинформ, 2001. 206 с.

3. Бравилова Е. А. Об общих правилах производства следственных действий // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. № 1 (27). С. 16—30.

4. Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств: монография. Москва: Норма, 2021. 408 с.

5. Черкасова Е. К. К вопросу о проведении следственных действий в жилище // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 4 (42). С. 146—152.

6. Данилова Н. А., Николаева Т. Г. К вопросу о допустимости принуждения при производстве следственных действий // КриминалистЪ. 2012. № 1 (10). С. 71—77.

7. Смолькова И. В. Допустимо ли принуждение при получении образцов для сравнительного исследования в российском уголовном судопроизводстве? // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 4 (87). С. 146—154.

1. Davydovskaya M. V. To the issue of common conditions and common rules of investigative actions. State service and human resources, 172—178, 2022. (In Russ.).

2. Sheifer S. A. Investigative actions. System and procedural form. Moscow: Yurlitinform; 2001: 206. (In Russ.).

3. Bravylova Ye. A. On the common rules of investigative actions. Siberian criminal procedure and criminalistics readings, 16—30, 2020. (In Russ.).

4. Rossynsky S. B. Pre-trial procedure in a criminal case: essence and ways of collecting evidence. Monograph. Moscow: Norma; 2021: 408. (In Russ.).

5. Cherkasova Ye. K. To the issue of investigative actions in a dwelling. Legal science and law enforcement practice, 146—152, 2017. (In Russ.).

6. Danylova N. A., Nykolayeva T. G. To the issue of compulsion admissibility during investigative actions. The Criminalist, 71—77, 2012. (In Russ.).

7. Smolkova I. V. Is compulsion admissible while gathering samples for comparative research in Russian criminal procedure? Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 146—154, 2018. (In Russ.).

8. Shamsutdinov M. M. The experience of examination regulation in the criminal procedure of Germany and Switzerland. Legal research, 2022.

8. Шамсутдинов М. М. Опыт регламентации освидетельствования в уголовном процессе Германии и Швейцарии // Юридические исследования. 2022. № 5. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37975 (дата обращения: 22.07.2025).

Александрова Людмила Анатольевна,
доцент кафедры судебной деятельности
и уголовного процесса имени П. М. Давыдова
Уральского государственного
юридического университета
имени В. Ф. Яковлева,
кандидат юридических наук, доцент;
ml1970@yandex.ru

Available from: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37975. Accessed: 22 July 2025.
(In Russ.).

Aleksandrova Lyudmila Anatoliyevna,
associate professor at the court activity
and criminal procedure department
named after P. M. Davydov
of the Ural State Law University
named after V. F. Yakovlev,
candidate of juridical sciences, docent;
ml1970@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 03.10.2025; одобрена после рецензирования 10.10.2025; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 03.10.2025; approved after reviewing 10.10.2025; accepted for publication 16.02.2026.

* * *